

Ранняя летняя ночь. Тени деревьев прорезали темноту, вечерний ветер колыхал зелень и лёгкий запах травяных противомоскитных пакетиков с полынью.

Цун Цзиньюэ лежал на большом пляжном шезлонге на втором этаже балкона, вокруг слышался тихий стрёкот насекомых и звуки человеческой активности.

Спина и пояс ныли, всё тело было разбито. У него совсем не было сил играть с остальными в карты, поэтому он выбрал самое простое — просто лежать здесь в тишине.

Он лежал так долго, пока сонливость не стала затягивать его, и вдруг в ночи раздался мягкий звук открывающейся двери и шаги, смешавшиеся с темнотой.

До его носа донёлся запах свежести после душа, будоража его притупившиеся чувства. Он не шевельнулся, лениво приподнял веки — и его сонный взгляд столкнулся с вошедшим.

Похоже, Чжан Хуайсю давно уже вышел из душа: волосы полностью сухие, чуть растрёпанные, холодноватый оттенок кожи был похож на белый нефрит, ещё более подчёркивая глубину тёмных глаз. Из-за этого его черты казались ярче: и замешательство, и недовольство — всё читалось.

В груди у Цун Цзиньюэ что-то слегка дрогнуло, он едва заметно сглотнул—

Это был чисто физиологический, инстинктивный отклик на красивое лицо. Ничего больше.

Они странно уставились друг на друга, оба растерялись, воздух застыл.

Чжан Хуайсю шёл полностью по «слепой зоне» и не ожидал, что в тени под зонтом вообще кто-то лежит. А когда понял, кто именно, сердце у него сразу рухнуло.

Ну что за привидение такое — весь день от него не отвертишься, везде на него натывается этот придурок?!

Лучше вернуться в комнату.

Он и слова не хотел говорить — просто резко развернулся, чтобы уйти.

Цун Цзиньюэ по инерции протянул руку и схватил его за запястье. Сон как рукой сняло. Он чуть приподнял голову и улыбнулся.

Его волосы рассыпались по спинке кресла и над глазами. Голос хриловато-ленивый, нарочито дразнящий:

— Учитель Чжан, чего так спешить? Боишься, что я тебя съем?

Чжан Хуайсю скользнул взглядом по его улыбающемуся лицу — белые зубы в темноте... Если бы этот человек мог просто молчать, он бы ещё согласился, что лицо у него приятное. Но увы.

Пустая красивая оболочка. Больше он боялся, что не выдержит и врежет ему.

Неприязнь в его глазах просто выплёскивалась наружу. Он резко дёрнул запястье — но не смог стряхнуть эту «грязную лапу».

— Отпусти. Или ты хочешь подрасться?

Цун Цзиньюэ сразу разжал пальцы. Под внимательным взглядом Чжан Хуайсю он наклонил голову в сторону свободного соседнего шезлонга:

— Поболтаем?

Чжан Хуайсю подозрительно уставился: «поболтать»? Это что, он предлагает сначала ударить левой или правой?

Цун Цзиньюэ откинулся назад, голос стал более честным и усталым:

— Давай не будем так напрягать обстановку. Нам ведь ещё много дней вместе, по сути, постоянно в паре. Вместо того чтобы мучить друг друга... может, обсудим, как мирно сосуществовать?

Он действительно хотел поговорить. Постоянная напряжённость выматывала.

Чжан Хуайсю молчал, будто взвешивая, правда это или нет. Спустя время он всё же прошёл и сел на соседний шезлонг — строго, прямо.

Цун Цзиньюэ даже обрадовался:

— Как ты думаешь, почему сегодня так всё плохо пошло?

Чжан Хуайсю поднял бровь:

— Разве не ты первый начал провоцировать?

Цун Цзиньюэ на мгновение потерял дар речи:

— Я...

Он ведь просто пошутил пару раз — не подумал, что Чжан Хуайсю всё примет всерьёз. А у него характер тоже не сахар, всё-таки дважды «Император экрана».

С этим человеком бесполезно бодаться — не выиграешь. Разозлиться самому — смешно даже.

Он вздохнул и сдался:

— Ладно, ладно. Я. Виноват я.

Чжан Хуайсю впервые бросил на него взгляд — короткий, но показательный. Губы чуть дрогнули, но он ничего не сказал.

— Тогда в следующий раз я просто промолчу. Давай оба немного терпения включим. Доведём совместные задания до конца, хорошо?

Он хотел было добавить: «я делаю шаг назад, а ты тоже не дави», но Чжан Хуайсю посмотрел так, будто собирался сказать: «Да-да, красиво говоришь... только делай ли ты?»

Ладно. Этот человек слишком принципиальный. Скажешь — обидится.

Ну и бог с ним. Поддадимся ему чуть-чуть.

Чжан Хуайсю от его мягкой улыбки весь взъерошился, отвернулся, уставился куда-то вниз на

сад — на свет у дерева, вокруг которого кружили мухи. Он сжал губы и нехотя выдавил:

— ...Ох.

— Отлично, — тут же подхватил Цун Цзиньюэ. — Тогда давай разберём, почему мы сегодня так плохо сыгрались. Чтобы в следующий раз был хоть какой-то прогресс.

Не ругаться же каждый раз.

Он улёгся поудобнее, руки за голову.

Чжан Хуайсю снова буркнул:

— ...м-м.

Следующие минут десять они спокойно обсуждали их поражение в парной игре в бадминтон, разбирали позиции, привычки приёма подач.

Позже оба будут вспоминать этот момент с шоком — когда они, заклятые враги, вдруг мирно лежали рядом и разговаривали.

...

Когда закончили, Чжан Хуайсю встал, собираясь идти спать. Проходя мимо, аромат его чистого тела снова скользнул мимо носа Цун Цзиньюэ и заставил его неприятно поёжиться.

— Учитель Чжан... — позвал Цун Цзиньюэ с улыбкой.

Чжан Хуайсю остановился.

— Если в следующий раз мы опять будем вместе... приходи вечером на балкон на свидание.

Чжан Хуайсю: «.....»

Вот же... болтун пошлый...

На следующий день.

«Парная полоса препятствий: один завязывает глаза и несёт второго на спине, а зрячий, находящийся сверху, даёт указания. Три участка: наземные препятствия, балансир и болотистая зона. В конце каждого этапа можно поменяться ролями».

Режиссёр объявил свободный выбор команды. Не прошло и двух минут — Цун Цзиньюэ и Чжан Хуайсю снова остались без пары.

Но оба на удивление спокойно это приняли.

Цун Цзиньюэ пригласил Чжан Хуайсю залезть ему на спину. Тот явно чувствовал себя неловко, помялся, но всё же забрался.

— Учитель Чжан, как ощущения?

— Новая лошадка нормальная... Эй! Ты чего криво идёшь?!

— А ты не можешь нормально держаться? Я вообще впервые в жизни кого-то ношу, дай мне

привыкнуть!

— ...Всё, хватит болтать, пошёл уже.

На втором этапе Чжан Хуайсю вообще не нужно было его уговаривать — сам рвался вперёд.

Как только Цун Цзиньюэ оказался на его спине, тот сразу уткнулся подбородком ему в плечо. Чжан Хуайсю вздрогнул всем телом, резко отпрянул плечом:

— Ты что творишь?! Убери собачью голову!

Цун Цзиньюэ нарочно дразнил, улыбаясь возле его вспыхнувшего красным уха:

— Учитель Чжан, разве собачья голова не милая?

Он отлично помнил, что тот к собаке был добрее, чем к нему.

Чжан Хуайсю: «.....»

Дурак.

Цун Цзиньюэ обхватил его шею, лениво подгоняя, дыхание то и дело касалось его уха.

Сначала Чжан Хуайсю смущался от слишком тесного контакта, но потом раздражение вытеснило всё остальное. И он думал лишь одно: «Ленивый же ты паразит!»

...

Третий этап.

— Учитель Чжан, куда? — спросил Цун Цзиньюэ, ничего не видящий.

Тело Чжан Хуайсю постепенно сползало вниз, поза становилась всё неудобнее. Цун Цзиньюэ инстинктивно подпрыгнул, пытаясь подбросить его выше.

— ?! — Чжан Хуайсю чуть не задохнулся: руки сжались вокруг шеи Цун Цзиньюэ, тело застыло.

Цун Цзиньюэ не заметил, продолжал искать удобное положение, касаясь рукой его подколенных сгибов.

— Ты куда лапы тянешь?! — у Чжан Хуайсю ощущение позора взорвалось в голове. Он чувствовал, как рука того болтается у него возле верхней части бёдер, уши вспыхнули, и он со всей силы отшвырнул его руку.

Цун Цзиньюэ: «.....»

Он что, больной? Да нормально же держал... теперь будто он какой-то извращенец.

...

С трудом выдержав первые два участка, на третьем — болотистом — у Чжан Хуайсю лицо перекосилось. Он брезговал всем этим до дрожи.

Цун Цзиньюэ выдохнул:

— Дальше кто кого несёт...

— Ты! — выпалил Чжан Хуайсю.

Цун Цзиньюэ: «.....»

Он даже договорить не успел.

— Ладно...

Шагнув в грязь, он почувствовал холодную липкую массу, обволакивающую ноги. Из-за завязанных глаз ощущение усиливалось вдвойне.

Он заставил себя терпеть: быстрее — и всё закончится.

— Учитель Чжан, куда? Говори же! — торопил он.

Он не знал, что большая часть внимания Чжан Хуайсю была сосредоточена... на его собственных ногах, которые вот-вот коснутся грязи. Он всеми силами поднимал ноги выше.

— Эм... вправо-вверх два шага.

Но грязь становилась глубже, и она уже почти касалась его идеально чистых кроссовок.

!!

Чжан Хуайсю мысленно выругался.

Следующая команда задержалась. Цун Цзиньюэ не выдержал:

— Эй? Ты куда пропал?

Грязь засасывала его ноги. Он попытался выдернуть их — тело пошатнулось. В результате грязь коснулась обуви Чжан Хуайсю.

Тот чуть не сломался психически и задрал ноги ещё выше.

— Не дёргайся! — Цун Цзиньюэ едва держался, руки дрожали — вчерашний бадминтон выжал всё, спина болела, а тут надо ещё взрослого мужика тащить!

Если тот будет так прыгать, они оба грохнутся в грязь.

Чжан Хуайсю сжал руками его шею и, не думая, рванул ещё выше — чуть не задушив беднягу и одновременно навалившись всей тяжестью.

Цун Цзиньюэ стабилизировался и прохрипел:

— Ты... меня... убить... решил?!

Чжан Хуайсю ядовито:

— Ты не можешь на цыпочках идти?!

Цун Цзиньюэ: «.....»

Так, а его жизнь кто охранять будет?!

Когда они добрались до финиша, Цун Цзиньюэ едва держался на ногах.

Чжан Хуайсю давно был мёртв внутри — он сразу потребовал у команды влажные салфетки и яростно тёр штаны.

Цун Цзиньюэ рухнул на землю и радовался, что они теперь не последние, а предпоследние.

Он был в хорошем настроении, хотел разделить радость, но вставать было лень — он вытянул грязную ногу и подтолкнул ею заднюю часть ноги Чжан Хуайсю.

— Учитель Чжан?

На его штанах появился свежий след от грязи.

Чжан Хуайсю КИПЕЛ.

Он вскипел так, что аж покраснел от ярости.

Скомкал салфетку и бросил!

Схватил обеими руками огромный ком грязи со стороны болота — и швырнул в Цун Цзиньюэ!

Получай! Думаешь, весело? Давай, поиграем!

Цун Цзиньюэ был ошарашен.

Его... Чжан Хуайсю... кинул грязью???

Взаправду???

Он медленно поднялся, прищурился:

— Надеюсь, ты потом не пожалеешь.

Чжан Хуайсю презрительно фыркнул — уже хватал новый огромный ком земли и метнул прямо в его лицо.

Он давно мечтал так сделать.

Если бы Цун Цзиньюэ не увернулся — его бы расплющило.

Чжан! Хуай! Сюй!

Цун Цзиньюэ сорвался — схватил грязь и кинул в ответ.

Началась война. Чтобы удобнее было запастись «боеприпасами», Цун Цзиньюэ прямо прыгнул обратно в болото — раз он уже весь грязный, то и фиг с ним.

Режиссёр скомандовал операторам снимать крупным планом; остальные участники смотрели как на увлекательнейшее шоу.

Чжан Хуайсю был в бешенстве. Лежал у себя в комнате — злой до тихого кипения.

Откуда Цун Цзиньюэ это понял? Он двадцать минут сидел на балконе, глядя на вид, а дверь Чжан Хуайсю так и не открылась.

Он не понимал. Вчера же они мирно говорили. Сегодня вполне неплохо сотрудничали. На что он злится? На то, что он «трогал его»? Что не шёл на цыпочках? Или что в «грязевой битве» Цун Цзиньюэ бросил в него три раза, а тот — один?

Ну так тренируйся! Слабый — не играй!

И вообще, почти всю тяжёлую работу выполнял он, Цун Цзиньюэ. А дуется почему-то Чжан Хуайсю. Это как вообще работает?

Да, в болоте в конце они, конечно, сорвались, но ведь изначально было весело! Чего он?

Цун Цзиньюэ кипел, решил пойти спать. Но, взявшись за ручку двери, замер.

А почему он должен терпеть?

Почему тот может исчезнуть и дуется неизвестно на что, а он должен гадать?

Он хотя бы должен узнать причину.

Разозлившись, он прошёл к двери, соединяющей их балконы. Поднял руку, думая — спросить спокойно или накричать?

И в этот момент дверь «щёлкнула» и сама открылась.

Они столкнулись лицом к лицу.

Оба вздрогнули.

Чжан Хуайсю — знал, что злится, но всё это время прислушивался к Цун Цзиньюэ. Половина злости давно прошла, но подойти первым — гордость не позволяла. Он тянул, но, видимо, решил выйти «вроде просто посмотреть». И — бац — столкнулся.

Воздух застыл. Мощь Цун Цзиньюэ поубавилась. Он молча указал на шезлонги.

Они опять легли на свои места.

Цун Цзиньюэ не выдержал:

— Так что ты злишься? Серьёзно, стоило?

У Чжан Хуайсю вспыхнуло всё обратно. Он не переносил его «невинный» вид:

— Ты правда не понимаешь?

— Что понимать-то?

— Ты... с улыбкой... швырял в меня ГРЯЗЬ!

— А, это? — Цун Цзиньюэ удивился. — Да мы же играли. Да, в конце я переборщил, но вначале тебе же нравилось? Стоило так злиться?

Чжан Хуайсю едва не рассмеялся от бессильной ярости:

— Нравилось?! Ты грязной ногой пнул мои штаны!

Тошнище!!!

После этого он чуть ли не бежал мыться, еле поел, и вечером опять помнил этот запах грязи — ещё раз пошёл мыться!

Благодаря Цун Цзиньюэ ему казалось, что у него даже в волосах грязь!

Цун Цзиньюэ замер.

Ну всё ясно. Ненавидит грязь и нежится как хрустальная ваза. Ради такой ерунды столько шума. И ещё кидался грязью — это что, «победа» ценой собственной чистоты?

Он чуть не закатил глаза.

Выдавил:

— Ладно. Моя нога грязная. Моя вина. Но ты меня игнорировал двадцать минут. Это же компенсирует?

Чжан Хуайсю фыркнул. Но напряжение немного стихло.

В этот момент неподалёку что-то шевельнулось. Чжан Хуайсю резко повернулся — увидел оператора, который пытался спрятаться.

Лицо его потемнело. Он холодно ткнул пальцем: Уходи. Сейчас же.

Оператор испуганно убежал.

Оставшись одни, они постепенно успокоились. Остатки злости растаяли.

...

— Если следующее задание будет мозговым, будем чередовать ведущего?

— Можно.

Они поднялись уходить. И тут Цун Цзиньюэ вдруг остановился. Взглянул в угол балкона.

Чжан Хуайсю проследил — там блестела камера.

Они осмотрели балкон ещё раз — нашли ещё пару.

Цун Цзиньюэ тихо сказал:

— Подожди... их раньше... так много было?..

<http://bllate.org/book/12072/1080035>